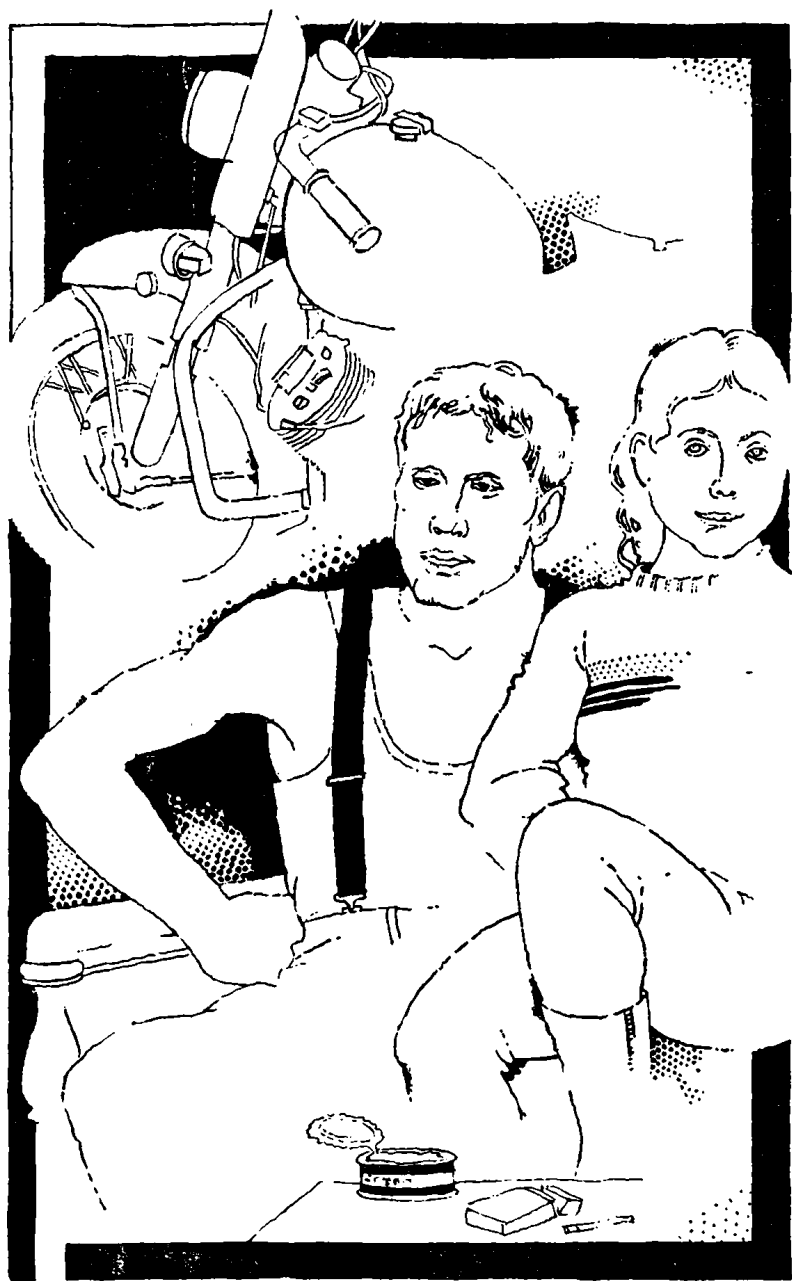

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Зима была отвратная, промозглая и бесснежная.

Деревья в сквере и на улицах выглядели бесстыдно нагими и в то же время беззащитными перед порывами колючих, пронизывающих ветров, не желающих утихать.

Лине хотелось, чтобы выпал снег, настоящий, пушистый и щедрый, и все вокруг смягчилось, облагородилось под его белым покровом. Но снег шел мокрый и таял, не успев долететь до земли.

Разбрызгивая грязное месиво изящными голубовато-серыми сапожками, только что привезенными отцом из заграничной командировки, Лина не торопясь двигалась к школе, давно смирившись с тем, как тошно ей туда ходить.

Мысль о приближении Нового года и вслед за ним зимних каникул немного утешала Лину, но она не была уверена, что на этот раз самый прекрасный и добрый из всех праздников пройдет, как и прежде, радостно, а каникулы сложатся для нее удачно.

Обычно встречать Новый год Лина уезжала с родителями на дачу к бабушке с дедушкой и замечательному, совсем уже старенькому прадеду Василию, в честь которого она и названа была Василиной.

В новогоднюю ночь они всей семьей, а то и с общими друзьями, собирались у камина, зажигали свечи. Звенели бокалы с шампанским, произносились пышные и шуточные тосты, и вполголоса пели старинные романсы под гитару деда Сергея. А в полночь уходили в лес, освещая дорогу фонариками.

В хрустально-торжественном новогоднем лесу, то и дело проваливаясь валенками в снег, они пытались водить хоровод вокруг заранее наряженной елки, не удержавшись, падали в сугробы и веселились вокруг яркого костра.

Но теперь, если снега не будет, родители могут остаться в городе. Настроение у них кислое, да и отец с дедом Сергеем последнее время, встречаясь, слишком непримиримо спорят и ссорятся и, надутые, так и не договорившись, разбегаются по разным углам. А раньше они всегда были расположены друг к другу и общение доставляло им удовольствие.

Споры отца и деда поначалу мало занимали Лину, как и все, что не касалось ее лично. Но оказалось, что самое существенное запало в память и торчало занозой, нарушая привычное спокойствие.

Насколько Лина сумела понять, отец утверждал, что пирамиду системы надо не расшатывать, а крушить, ломать до самого основания, решительно и без промедлений. Только тогда человек, освободившийся от давящей на него уродливой конструкции, расправит плечи, вздохнет действительно свободно, сам накормит, оденет себя и устроит свою единственную жизнь по собственному усмотрению, сообразуясь с отпущенными ему природой способностями...

Дед Сергей, прежде самый рьяный в семье поборник прав человека, мечтавший хотя бы о «глотке свободы», теперь, когда дышалось легче, почему-то был полон сомнений. Он говорил, что стадо овец, привыкшее к окрику и кнуту, без пастуха сбивается с пути и погибает, что прирученные животные, если однажды открыть все клетки зоопарка, вряд ли пожелают уйти на волю, в неведомые им джунгли, где они будут обречены; что точно так же и «верноподданные», наученные по-холопски получать тощий кусок из барственных, начальственных рук, не выживут в новых условиях рынка и конкуренции и снова станут подопытными кроликами в еще одном сомнительном эксперименте...

Когда высказывал свою точку зрения отец, Лине казалось, что он совершенно прав, но и дед тоже был убедителен в своих сомнениях. Так где же истина?..

Дед Сергей был профессором, доктором философии, отец биологом и тоже готовился вот-вот защитить докторскую диссертацию. Лина постоянно восторгалась и гор-

дилась умом и благородством мужчин своей семьи, в которой всегда царили мир и любовь. Раздоры изумляли и пугали ее.

Растерянность мамы и бабушки усиливали сумятицу в голове и душе Лины. Она чувствовала, что и ей передается волнение мамы, упорно пытавшейся втиснуть в словесные баталии прадеда Василия, с мнением которого все особенно считались. Но старик будто и не слышал призывов, тут же хватал черного дога Мефистофеля и буквально убегал с ним в лес на прогулку или, отчаянно шаркая ногами, устремлялся за каким-нибудь лекарством, вспомнив вдруг о предписаниях врача. Странное поведение прадеда никак не вязалось с Лениным представлением о нем и вовсе сбивало с толку...

Возвращаясь в город после резких, нервных стычек с тестем, отец замыкался в себе и надолго замолкал. Молчаливость родителей тяготила Лину, вселяла в нее тревогу и неуверенность в своем благополучии, а она дорожила им.

Разговоры, тихие и бурные, с приливами и отливами, между собою и со знакомыми, вечно наполняющими их дом, сопутствовали Лине с колыбели, их отсутствие воспринималось ею как ничем не восполнимая пустота. Взрослея, она все чаще раздражалась обилием произносимых слов, которые, несмотря на их справедливость и убедительность, испарялись бесследно, так и не воплощаясь в реальность и не принося видимой пользы. Жизнь не становилась краше, как страстно желали того все окружающие ее люди, а, напротив, все ухудшалась и уже совсем покати-лась под откос. И никто, даже самые головастые и блистательные охотники долгих бесед, не в силах был удержать ее, изменить к лучшему. Так к чему же словопрения?..

Мужчин Лина еще могла понять, но приверженность мамы и других женщин к рассуждениям о политике, экономике и прочих премудростях воспринимались ею как притворство. Она полагала, что женское дело, прежде всего, быть привлекательной, со вкусом одеваться и кружить голову мужчинам. Хорошо бы всем подряд, с уж потом, когда-нибудь, для одного из них, ее избранника, растить здоровых и жизнерадостных детей, с блеском вести дом и всеми силами помогать мужу возвышаться, чтобы даже среди общей неразберихи самой жить не зная нужды, беспечно и празднично.

Постоянно вертась перед зеркалом, Лина видела, что она недурна собой, хотя зеркало и не позволяло ей ощутить ту великую притягательную силу, которая таилась во всем ее облике.

Большие темные глаза за внешним спокойствием и робостью скрывали необузданные желания и своевольный нрав. Шелковистые волосы, цвета кофейных зерен, полукружьями искусно уложенные на уши и забранные назад, как нельзя лучше оттеняли нежную, тонкую кожу лица и подчеркивали мягкость, округлость его линий, обманывающих трепетностью и покорностью. А вся невысокая, стройная и гибкая девичья фигурка с движениями легкими и изящными таила в себе глубоко спрятанное до поры пламя, и казалось, создана природой с коварной целью — привораживать.

Еще не сознавая этого в полной мере, Лина успела заметить, что ее взгляды, чарующие улыбки и неназойливое кокетство, в подходящий момент пущенные в ход, неотразимо действуют на мужчин, не только молодых, но и в возрасте. От ее близости они оживляются, с ними происходит что-то, пока неведомое ей. Это Лину сместило, но не смутило и льстило самолюбию.

Пасмурное утро усугубляло скверное настроение Лины, которое, впрочем, никогда не покидало ее на пути в школу. Среди всех невеселых мыслей она пыталась отыскать хоть что-нибудь, о чем думать было бы приятно. Воспоминания о вчерашнем госте отца, незнакомом ей раньше профессоре Кокареве, как будто обрадовали ее. Она с удовольствием окунулась в них, заново переживая галантное ухаживание взрослого человека, его откровенные поглядывания на нее за ужином и полные таинственного смысла улыбки, посланные ей лукавыми, совсем не состарившимися глазами.

Редкие, ярко-васильковые глаза незнакомца сразу обращали на себя внимание. Пышную, темную шевелюру уже тронула седина, но стройная, подтянутая фигура и элегантный костюм делали его молодым. Лина не ушла сразу же после ужина, как поступала обычно, — осталась возле неожиданного поклонника.

Как выяснилось позже, профессор Кокарев Владислав Кириллович встретился отцу в недавней зарубежной

поездке и покори́л его образованностью и оригинальностью суждений. При том жадном любопытстве, которое отец испытывал к людям, не было ничего необычного в его увлеченности новым знакомым, которого он, судя по всему, ждал с нетерпением и слушал почтительно, не перебивая, что всегда трудно ему давалось. Вполне вероятно, они подружились бы, если б не заговорили о сложностях раскрошившейся жизни...

В отличие от большинства отцовских приятелей впервые появившийся гость говорил бесстрастно, как бы нехотя, из вежливости. Но все сказанное им, хотя и не полностью было понятно Лине, все же запомнилось — слишком уж отличалось от того, что она слышала прежде.

Всех самых популярных экономистов, имена которых часто и благоговейно произносились в их гостиной, синеглазый профессор обзывал приверженцами вульгарного и упрощенного марксизма, ничем не отличающегося от марксизма пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)». Он был убежден, что нынешние властители дум повернули прежние лозунги на сто восемьдесят градусов и не призывают больше к всеобщему обобществлению, зато к повальной приватизации, но следуют все той же сталинской догме о всесии производственных отношений...

Лина видела плотно сомкнутые губы отца, как бывало, когда ему что-то сильно не нравилось, но он не спешил со своим несогласием. Возможно, взвешивал сказанное его собеседником или не хотел ввязываться в неприятную для него дискуссию... И все же не выдержал, стал настаивать, что при нормальных производственных отношениях пять процентов населения способны прокормить всю страну и приватизация, конкуренция, рынок сделают и у нас то же самое, что во всем мире...

— Возможно, — кратко и сухо отозвался Кокарев, и Лине почудилось, что он потерял интерес к отцу и к разговору с ним, но, скользнув взглядом по ее, должно быть заинтересованно внимательному личику, быстро переменился и, словно к ней обращаясь, продолжил: — Во всем мире живут по-разному. Голодают и там, где рыночные отношения. А изобилие и процветание... это в высокоразвитых странах. Но там аграрный сектор исключили из рыночной экономики, защищали крестьянина и от внешней конкуренции...

Отец попытался возразить или задать вопрос, но профессор сделал вид, что не заметил этого. Не отводя от Лины глаз, он уже шутливо и, как ему представлялось, легко одерживал победу:

— Ваши экономические кумиры, — иронизировал Кокарев, не позволяя и слова вставить отцу, — прочитали в молодости сочинения Маркса и вынесли оттуда, что экономика в капиталистических странах строится на рыночной конкуренции. С тех пор они не утруждали себя изучением положения дел в мировом сельском хозяйстве, а особенностей нашей многострадальной державы и вовсе не учитывают. И снова обманывают народ будущим процветанием. А обманывать нехорошо, не правда ли? — повернулся необычный гость к Лине, тем самым как бы недвусмысленно давая понять, что прекращает свой затянувшийся монолог. — Совершенно очарован столь прелестным юным созданием, — неожиданно для всех объявил Владислав Кириллович, меняя направление разговора и, очевидно, стараясь не потерять общего расположения.

Ласкающий, нежный взгляд Кокарева проникал в самую душу и тревожил, но Лина почти физически ощущала неудовольствие родителей, их неприятие человека, не совпадающего с ними во взглядах.

Вероятно, и Кокарев почувствовал это, во всяком случае, мягко и достаточно примирительно, но все же надменно проговорил:

— Ну, ей-богу же, друзья, протрезвейте от своей эйфории. Наша страна еще не готова воскреснуть. Нужна работа. Не митинги, не демонстрации, не вопли, а будничная спокойная работа и духовное напряжение. И нельзя, нельзя спускать лодку на воду, не зная, куда ей плыть и выдержит ли она волну. И раскачивать лодку опасно: какая разница, каким боком она зачерпнет, правым или левым? Кстати, если сильно грести влево, лодка обязательно повернет вправо... Не смотрите на меня с таким осуждением, — приложив руку к груди, взмолился Кокарев. — Клянусь! — Теперь он вскинул руку вверх, изображая, что клянется. — Я тоже большой демократ. Но то, что происходит у нас, не демократия, а анархия. И добились мы всего лишь того, что теперь у нас все против всех и царствует хаос и беспорядок.

— А вы соскучились по порядку и сильной руке? —

вдруг перешел в наступление отец. — Вы полагаете, что мы еще не доросли до демократии и в лоно мировой цивилизации нам пока путь заказан. — Отец саркастически усмехался. — Это старая песня, и звучит она всегда одинаково, даже аргументы не меняются. Вы за свободу, вы понимаете, что власть, основанная на приказе и угрозе, малоэффективна, но в данный момент... разрушение существующего порядка чревато хаосом и гибельным распадом. И этот момент «чрезвычайки» будет у вас длиться еще десятки лет. «Рабы свободных песен не поют...»

Профессор не удостоил отца ответом. Он только пожал плечами и стал поспешно прощаться, бормоча обычные, стершиеся от частого употребления слова. Для приличия он все же дотронулся до локтя отца, поцеловал руку матери, а когда дошла очередь до Лины, то задержал ее пальцы в своих, заговорщически подмигнул и, нагнувшись к самому уху, будто их никто не слышал, прошептал:

— Жаль, что я поторопился родиться. А то попытал бы счастья, — и добавил, посмеиваясь: — Разумеется, в свободной конкуренции с вашими, богиня, многочисленными поклонниками.

Он удалился, а Лина долго не могла прийти в себя.

Неужели так значительны эти всего лишь словесные сражения, если они превращают добрых людей в злых врагов?.. И не правильнее было бы всем спорщикам, всем по-своему правым в своей вере и любви к народу и отечеству, перестать болтать и начать хоть что-то делать, чтобы жилось не так мрачно и скудно?.. И собственно, почему отец, такой демократ, столько раз внушавший ей, что надо уважать иную, отличную от своей, позицию, теперь так непримирим к чужому мнению, а мама, просто сказочно гостеприимная, недовольна, что отец пренебрег их неписанным законом и пригласил к себе чужака, от которого неизвестно что ждать?.. А вообще-то чего им всем ждать? Чем обернутся для них, для нее, все разногласия, пертурбации и новшества?..

Думать обо всем этом было утомительно и беспокойно, но и не думать не получалось. Жизнь опрокинулась, нарушив привычное равновесие, и в приветливом к ней ее мире Лине становилось все более неуютно.

Прогоняя дурные мысли, Лина вскинула голову, словно ожидая милости сверху, но тусклое, однообразно серое небо выглядело холодным и далеким и не предвещало ничего доброго.

Лина подняла воротник ослепительно голубой дубленки, не пропускаящей к ней ни холода, ни ветра, и прибавила шаг.

— Эй, Чижик, лети сюда! — Резкий окрик заставил ее вздрогнуть.

Чижом, Чижиком звали ее еще в детском саду и, само собою, в школе, и это прозвище, производное от фамилии Чижевская, нисколько не обижало ее, оно сделалось привычным, как второе имя. Но грубый, с хрипотцой голос был явно незнакомым и пугающим.

Лина не остановилась и не обернулась. Она уже приближалась к школьному порогу. Вокруг шумели и толкались ребята. Они неслись мимо, задевая ее локтями, но никому, в сущности, не было до нее дела.

Уверенная в своей силе рука больно сжала Лино плечо, властно развернула к себе, и здоровенный детина, словно внезапно поднимавшаяся из земли скала, преградил ей путь.

— Все палишься на небеса? — бесцеремонно сверля ее взглядом, процедил он сквозь зубы и стильно сплюнул. — Гляди, до бога далеко, а на земле нелегко, да куда денешься...

Деться и впрямь было некуда. Цепкие руки держали ее уже за оба плеча. Лицо, словно высеченное из камня, нависло над ней мощной глыбой.

Лина онемела от страха, но голова продолжала работать, подсказывая, что главное, хотя и не безопасное, оружие — ее обаяние. Посмотрев на своего мучителя уже испытанным долгим взглядом, Лина улыбнулась ему самой обворожительной из своих улыбок так, что ямочки сразу же ожили на разругавшихся щеках и чуть приоткрылись пухлые губы.

Почти сразу Лина почувствовала, как слабеют сжимающие ее руки и вся огромная фигура грозного преследователя вроде обмякла, а голова откинулась назад, освобождая светлое пространство над нею.

— Что у тебя с жирным очкариком? — мрачно и без обиняков поинтересовался навязчивый ухажер, грубостью